

ПРОЛОГ

Надина, русская танцовщица, в одночасье завоевавшая Париж, выходила под гром аплодисментов и кланялась, кланялась... В знак одобрения французы продолжали хлопать и после того, как занавес с шелестом опустился, скрыв причудливые красно-синие декорации.

Танцовщица в развевающихся оранжево-голубых одеждах прошла за кулису. Бородатый джентльмен в восторге обнял ее. Это был импресарио.

— Прекрасно, крошка, прекрасно! — вскричал он. — Сегодня ты превзошла себя.

И импресарио с привычной галантностью поцеловал ее в обе щеки.

Мадам Надина, давно привыкшая к похвалам, непринужденно приняла очередную порцию комплиментов и прошла в уборную, заваленную цветами и завешанную прелестными футуристическими костюмами, в воздухе витал запах лилий, изысканных духов и разгоряченного тела. Костюмерша Жанна, переодевая Надину, тараторила без умолку, обрушивая на нее потоки неприкрытой лести.

Ее словоизлияния прервал стук в дверь. Жанна пошла открывать и вернулась с чьей-то визитной карточкой.

— Мадам примет?

— Дай-ка взглянуть...

Танцовщица рассеянно протянула руку, но, увидев надпись «граф Сергей Павлович», неожиданно встрепенулась, в ее глазах промелькнул интерес.

— Я приму его. Принеси мой желтый пеньюар, и поживее. Впустишь графа и можешь быть свободна.

— Хорошо, мадам.

Жанна принесла пеньюар из роскошного золотистого шифона, отделанного мехом горностая. Надина накинула его, улыбнулась каким-то своим мыслям и села за туалетный столик. Ее длинные белые пальцы легли на черную мраморную столешницу...

Граф не замедлил воспользоваться оказанной ему честью. Роста он был среднего, очень стройный, элегантный, бледный и чрезвычайно усталый. Внешне он ничем особенно не выделялся, такие лица обычно не запоминаются. Граф с преувеличенной учтивостью склонился над рукой танцовщицы.

— Мадам, вы доставили мне истинное наслаждение.

Это было все, что смогла услышать Жанна, закрывая за собой дверь. Когда Надина осталась наедине со своим гостем, улыбка ее чуть-чуть изменилась.

— Хотя мы с вами и «соотечественники», думаю, нам не обязательно говорить по-русски, — сказала она.

— Думаю — да, — усмехнулся визитер.

Едва они по обоюдному согласию перешли на английский, стало понятно, что это родной язык графа. Павлович удобно расположился в кресле напротив Надины и чуть расслабился.

— Вы правда были сегодня в ударе, — заметил граф. — Поздравляю.

— И все же, — вздохнула женщина, — мне как-то не по себе. Мое положение уже совсем не то, что раньше. Подозрения, вспыхнувшие во время войны, так до конца и не рассеялись.

— Но ведь обвинение в шпионаже вам так и не было предъявлено?

— Нет, конечно, наш шеф слишком осторожен.

— Да здравствует Полковник! — улыбнувшись, провозгласил граф. — Удивительно, что он решил уйти на покой, правда? На покой, как врач, мясник, водопроводчик...

— Или какой-нибудь делец, — подхватила Надина. — Впрочем, мы не должны удивляться. Полковник всю жизнь был прекрасным дельцом. Он организовывал преступления, как кто-нибудь другой организовал бы, скажем, работу обувной фабрики. Оставаясь в тени, он задумал и довел до успешного конца целый ряд крупных операций в самых разных областях своей, если можно так выразиться, «профессиональной деятельности». Кража драгоценностей, подделка документов, шпионаж (весьма выгодный бизнес в военное время), саботаж,

тайные убийства — чем он только не занимался! Мудрейший из мудрецов, наш Полковник знает, когда нужно остановиться. Дело пахнет керосином? Что ж, он изящно выходит из игры... причем сколотив себе огромное состояние!

— Гм-м, — задумчиво протянул граф, — все это звучит для нас довольно неутешительно. Похоже, мы окажемся без работы.

— Но с очень даже приличным выходным пособием, — молвила Надина с какой-то затаенной издевкой в голосе. Мужчина бросил на нее быстрый взгляд. Надина тихонько улыбалась, и что-то в этой улыбке возбудило его любопытство. Однако он не подал виду.

— Да, Полковник всегда щедро расплачивался с подчиненными, — дипломатично заметил граф. — По-моему, его успех во многом объясняется именно этим... этим и тем, что он всегда заранее подыскивает подходящего козла отпущения. Да, Полковник, несомненно, великий ум, несомненно! Кроме того, он свято придерживается принципа «Залог безопасности — личное неучастие». Так что теперь мы полностью в его власти. У Полковника на нас компромата хоть отбавляй, а у нас на него — полный ноль.

Граф выдержал паузу; казалось, он ждал, что Надина возразит ему, но она промолчала, все так же улыбаясь своим мыслям.

— Мы бессильны против него, — задумчиво произнес граф. — И все же скажу я вам, старик суеверно чего-то боится. Насколько мне известно, много лет назад он ходил к гадалке, и она напрооро-

чила ему удачу, но предупредила, что в конце концов ему суждено пасть жертвой некой женщины.

Последние слова заинтриговали Надину. Она с жадным любопытством взглянула на графа.

— Странно, очень странно... Вы говорите, женщины?

Граф улыбнулся и пожал плечами.

— Так ведь, уйдя на покой, он обязательно женится. Выберет себе какую-нибудь юную светскую красавицу, которая растратит его миллионы куда быстрее, чем бедняга их накапливал.

Надина покачала головой.

— Нет-нет, так дело не пойдет. Знаете что, мой друг? Я завтра же еду в Лондон...

— А как же ваш здешний контракт?

— Я уеду всего на одну ночь. Отправлюсь инкогнито, как какая-нибудь царственная особа. Никто и не узнает, что я покинула Францию. Угадайте, зачем я поеду?

— Ну, наверно, не для развлечения. В январе там погода прескверная, сплошные туманы. Думаю, поездка деловая, не так ли?

— Совершенно верно. — Надина поднялась с кресла и повернулась к графу, всем своим видом выражая горделивое высокомерие. — Вы сказали, что ни у кого из нас нет компромата на шефа. Так вот, вы ошиблись. У меня — есть! У меня — у женщины! — хватило ума и мужества, потому что без мужества тут не обойтись. Я перехитрила Полковника. Помните историю с алмазами «Де Бирс»?

— Помню. Вроде бы она произошла в Кимберли прямо перед войной, да? Я не имел к ней отно-

шения и не знаю подробностей. Почему-то дело замаяли, так? Здорово же удалось пожить грабителям!

— Да уж, камни тянули на сотни тысяч фунтов. Мы обстряпали все вдвоем... конечно, под руководством Полковника. Тогда я и решила, что вот он, мой шанс... Понимаете, в наши планы входило заменить часть алмазов «Де Бирс» другими, вывезенными из Южной Америки, их добыли два молодых старателя, которые как раз оказались тогда в Кимберли. На них-то и должно было пасть подозрение.

— Очень умно, — с одобрением в голосе вставил граф.

— Полковник всегда действует с умом. Так вот, я сделала то, что полагалось... и еще кое-что в придачу. Полковник этого не предусмотрел. Я оставила у себя несколько южноамериканских камешков... парочка из них просто уникальны, можно легко доказать, что они никогда не проходили через фирму «Де Бирс». Пока эти алмазы у меня, наш глубокоуважаемый шеф в моей власти. Как только будет доказана невиновность тех молодых людей, подозрение падет на него. Все эти годы я молчала, довольствуясь тем, что держу, так сказать, камни за пазухой, но теперь обстоятельства переменялись. Я хочу получить причитающуюся мне долю, и немалую... Я бы даже сказала: умопомрачительно большую!

— Потрясающе! — воскликнул граф. — Вы, конечно же, с этими алмазами никогда не расстанетесь?

Он как бы невзначай окинул взором неприбранную комнату.

— Ни в коем случае! — тихонько рассмеялась Надина. — Я же не идиотка. Алмазы спрятаны в надежном месте, никому и в голову не придет искать их там.

— Я никогда не считал вас идиоткой, моя дорогая, но позвольте заметить, что сейчас вы действуете довольно-таки безрассудно. Полковника шантажировать опасно.

— Я его не боюсь, — усмехнулась танцовщица. — Я вообще боялась в своей жизни только одного человека. Но теперь он мертв.

Мужчина поглядел на нее с любопытством и небрежно проронил:

— Будем надеяться, что он не оживет.

— Что вы имеете в виду? — вскрикнула танцовщица.

Граф сделал немного удивленное лицо.

— Я просто хотел сказать, что воскресни он — вы оказались бы в затруднительном положении, — объяснил он. — Это была всего лишь глупая шутка.

Надина облегченно вздохнула:

— О нет, он точно мертв. Его убили на войне. Этот человек когда-то любил меня.

— Там, в Южной Африке? — небрежно спросил граф.

— Да, если вас это интересует. В Южной Африке.

— То есть на вашей родине, не так ли?

Она кивнула. Граф встал и потянулся за шляпой.

— Что ж, решайте сами, конечно, но я бы на вашем месте боялся Полковника куда больше, чем обманутых любовников. Таких людей довольно часто... м-м... недооценивают.

Надина язвительно усмехнулась:

— Как будто я его не успела изучить за эти годы?!

— А вдруг? — мягко заметил граф. — Я иногда очень даже в этом сомневаюсь.

— О, я далеко не глупа! И действую не в одиночку. Завтра в Саутгемптон прибывает почтовый пароход из Южной Африки, и на его борту будет человек, который приедет специально ради меня и готов выполнять мои приказания. Так что Полковнику придется иметь дело с двумя противниками.

— Вы считаете это умным ходом?

— Необходимым.

— А вы уверены в своем напарнике?

На губах танцовщицы заиграла многозначительная улыбка.

— Я в нем совершенно уверена. Толку, правда, от него мало, но доверять ему можно целиком и полностью, — сказала Надина и, выдержав паузу, добавила равнодушным тоном: — Видите ли, он вообще-то мой муж...

АННА НАЧИНАЕТ РАССКАЗ

1

Меня со всех сторон осаждали просьбами описать приключившуюся со мной историю: и сильные мира сего (в лице лорда Нэсби), и «маленькие люди» (такие, как наша бывшая служанка Эмили, с которой мы виделись во время моего последнего приезда в Англию. «Ах, боже мой, мисс, что за шикарную книгу вы могли бы написать... Все прямо как в кино!»)

И действительно, кое-какие основания для этого имеются. Все происходило у меня на глазах, с самого начала и до победного конца я была в гуще событий. Ну а некоторые пробелы, к счастью, можно заполнить дневниковыми записями сэра Юстаса Педлера, которые он любезно предоставил в мое распоряжение.

А раз так, то — вперед! Анна Беддингфелд начинает повесть о своих приключениях...

Я всегда мечтала о приключениях. Ведь моя жизнь была такой однообразной, сущий кошмар! Папа, профессор Беддингфелд, считался крупнейшим в Англии специалистом по первобытным людям. Он был просто гений, это все признают. Мысленно он пребывал там, в эпохе палеолита, но тело его, увы, обитало здесь, в современном мире, и это

составляло для папы главное жизненное неудобство. Современные люди его совершенно не интересовали. Папа даже человека эпохи неолита презирал, считая его обыкновенным пастухом. Нет, мой отец воодушевлялся только тогда, когда докапывался до мустьерского периода.

Но, к несчастью, совсем отгородиться от современников невозможно. Хочешь — не хочешь, а нужно общаться с мясниками и булочниками, молочниками и зеленщиками. И поскольку папа жил, погрузившись в прошлое, а мама умерла, когда я еще лежала в пеленках, мне пришлось взвалить на себя все бытовые заботы. Честно говоря, я ненавижу людей эпохи палеолита, будь то человек ориньякской, мустьерской, шеллской или какой-нибудь другой культуры. И хотя я перепечатывала и правила почти всю папину рукопись под названием «Неандерталец и его предки», я этих неандертальцев терпеть не могу и очень рада, что они в незапамятные времена вымерли.

Не знаю, догадывался ли папа о моих чувствах по отношению к предметам его обожания. Наверное, нет. Впрочем, ему это в любом случае было бы безразлично. Он чужое мнение ни в грош не ставил. Пожалуй, такую особенность действительно можно считать признаком гениальности... Так же наплевательски папа относился и к бытовым заботам. Он всегда послушно съедал поднесенный ему обед, отличался безукоризненными манерами, но, похоже, расстраивался всякий раз, когда возникал вопрос об оплате. Мы вечно сидели без денег. Папина известность не приносила дохода. Хотя он являлся членом всех мало-мальски серьезных науч-

ных обществ и на его имя приходили пачки писем, широкая публика толком не знала о его существовании, а папины увесистые ученые труды, вносящие важный вклад в копилку человеческих знаний, не имели популярности в массах. Только однажды папа вдруг оказался в центре внимания. Он сделал доклад в каком-то научном обществе, речь шла о детенышах шимпанзе. Суть доклада сводилась к тому, что у маленьких детей обнаруживаются антропоидные черты, а детеныши шимпанзе похожи на людей гораздо больше, чем взрослые особи. Судя по всему, полагал мой отец, это означает, что если наши предки во многом обезьяноподобны, то предки шимпанзе стояли на эволюционной лестнице выше своих нынешних потомков. Иными словами, шимпанзе — выродки. Шустрые газетчики из «Дейли Баджет», охотившейся за сенсациями, тут же тиснули крупный заголовок: «Неужели не мы произошли от обезьян, а обезьяны от нас? Известный профессор утверждает, что шимпанзе — это деградировавшие люди». Вскоре после публикации к папе явился репортер и попытался убедить его написать несколько популярных статей на эту тему. Редко я видела папочку в таком гневе... Он весьма нелюбезно выставил репортера за дверь, чем вызвал мое тайное сожаление — ведь мы в ту пору были совсем на мели! Ей-богу, в какой-то момент я была готова догнать молодого человека и сказать ему, что отец передумал и согласен прислать нужные статьи. Я вполне могла бы написать их сама, и папа никогда не узнал бы о подлоге, поскольку не читал «Дейли Баджет». Однако этот вариант пришлось отвергнуть как слишком риско-